

УДК 94(571.1/.5)
ББК 63.3(253)6
DOI [10.17150/2308-2588.2016.17\(4\).767-785](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(4).767-785)

А. В. Шалак
*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

СИБИРСКИЙ ТЫЛ: ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация. Рецензируется монография «Сибирский тыл в исторической динамике XX столетия: теория и практика реализации идеи» (Новосибирск, 2016), подготовленная коллективом авторов Института истории СО РАН. Исследование «сибирского тыла» не просто как исторического феномена, но пространственного явления, невозможно без опоры на геополитический метод. С этой точки зрения, одной из главных задач советского государства являлась защита сибирского пространства, где сосредоточена ресурсная база настоящего и будущего страны.

Ключевые слова. «Сибирский тыл», геополитический подход, народнохозяйственный комплекс, экономическое пространство, военно-оборонный потенциал.

A. V. Shalak
*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

SIBERIAN REAR: INDUSTRIALIZATION AND DEMOGRAPHY IN GEOPOLITICAL DIMENSION

Abstract. The article reviews the monograph «Siberian rear in the historical dynamics of the twentieth century: theory and practice of realization of the idea» (Novosibirsk, 2016) written by a group of author from

History Institute of SB RAS. Studying of «Siberian rear» not only as a historical phenomenon, but also as spatial concept is impossible without geopolitical method. From this point of view defense of Siberia with its vast resource supplies was one of the most important aims of Soviet government.

Keywords. «Siberian rear», geopolitical approach, national economic complex, economic space, defense potential.

Материалистическое понимание истории в настоящее время не рассматривается в качестве базовой основы интерпретации прошлого. Идет поиск методологического инструментария, позволяющего более фундаментально осмыслить былое и одновременно консолидировать исторического сообщества. Нынешние острые столкновения в рамках этого дискурса во многом вызваны именно данным обстоятельством. Значительная часть исследователей предлагает трактовку истории России с позиций либеральной идеологии. Но одновременно растет количество исследований, в которых предпринимается попытка осмыслить исторические процессы исходя из геополитической матрицы. Ее основа внешне проста: с начала XX в. в мире не осталось свободных территорий, что максимально обострило борьбу за доступ к ресурсам планеты. Только те государства и цивилизации получают место «под солнцем» и обеспечивают безопасность, которые окажутся способными осуществлять контроль над ресурсами. Для этого требуется создание силы, как правило, в рамках стратегического блока. Следовательно, нужна государственная стратегия, направленная на защиту своего пространства и получение доступа к ресурсам. Что касается идеологии, то у нее второстепенная роль, и она – в наиболее эффективном обслуживании геостратегии. Эффективность стратегии определяется тем, насколько плотно государство контролирует свое пространства (терри-

ториально-географическое, культурное, торгово-экономического и т. д.), поскольку именно это позволяет обеспечивать национальную безопасность. В такой интерпретации основой оценочных суждений о прошлом, а также в извлечении соответствующих уроков является осмысление отечественной стратегии в области национальной безопасности. С этой точки зрения, либеральные свободы не рассматриваются как вектор, определяющий судьбы страны. Меняется смысл интерпретации, а, следовательно, и выводы.

Изданная коллективная монография по истории и реализации идеи сибирского тыла в прошлом столетии несомненно может быть отнесена к подобного рода работам¹. Акцент в изданной монографии сделан на советской экономической и военно-оборонной стратегии, которая исходила из необходимости защиты национальных интересов, особенностей цивилизационного развития. Особенно это имеет отношение к введению и заключению монографии, в которых акцентируется внимание на геополитической системе знаний.

Исследование сибирского тыла не просто как исторического феномена, но огромного пространственного явления, невозможно без опоры на геополитический метод. С этой точки зрения, одной из главных задач советского государства являлась защита сибирского пространства, где сосредоточена ресурсная база настоящего и будущего страны. С одной стороны, здесь может функционировать практически независимый от поставок извне производственный комплекс, с другой стороны, ресурсы региона одновременно являются опорой промышленного потенциала, расположенного в западных регионах страны. То есть сибирский тыл, как эко-

¹ Сибирский тыл в исторической динамике XX столетия: теория и практика реализации идеи / А. И. Тимошенко, В. В. Введенский, В. А. Исупов, В. Б. Лапердин, Р. Е. Романов; Институт истории СО РАН. — Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН, 2016. — 379 с.

номическое пространство, одновременно вмонтирован в единый народнохозяйственный комплекс страны. Вместе с этим, к этой части планетарных ресурсов стремились получить доступ наши геополитические конкуренты для решения своих текущих проблем и реализации стратегического потенциала в будущем.

Сибирский тыл, следовательно, не может рассматриваться как явление, непосредственно связанное с Великой Отечественной войной, что было характерно для отечественной историографии. Проблема сибирского тыла анализируется в более широком политическом и временном измерении (с начала XX в.). Более широкий временной контекст авторы увязывают не только с всероссийской (внутренней), но и мировой (внешней) динамикой, что позволяет подвести фундаментальную основу под анализ социально-экономических и демографических процессов развития сибирского региона. В эпоху глобализации как никогда обозначается взаимозависимость между странами, обостряется борьба за доступ к ресурсам. Одновременно с этим появляется пласт научной литературы по глобалистике и геополитике, исследующих основных субъектов международной жизни, их интересы, цели, что позволяет под другим углом изучать движущие мотивы исторических процессов. Поэтому многие исторические явления уже не удастся упрятать в национальную упаковку, объяснить их деятельностью «узурпаторов», отклонением от некой нормы развития человеческой цивилизации. Государства отстаивают свои национально-государственные интересы и их политика, следовательно, объясняется геополитической логикой. Что такое хорошо или плохо зависит не от соответствия западной модели развития, а от эффективной защиты государством своих национальных интересов. Перевод оценочных суждений с уровня идеологии и нормативистского подхода на уровень геополитики позволяет рассматривать кон-

кретно-исторические процессы в широкой исторической ретроспективе.

Поэтому совершенно логично авторы монографии начинают исследование с исторических корней формирования идеи сибирского тыла в контексте геополитических проблем конца XIX — начала XX в. Поскольку борьба за ресурсы после окончания территориального раздела мира стала осуществляться в откровенно силовом варианте, через мировые и региональные войны, то проблема тыла приобретала особую актуальность. Организация тыла превращалась в «часть военно-оборонного потенциала страны» (С. 15). Появление концепта «сибирский тыл» определяло два фактора: богатство природных ресурсов и пространственно-географическое положение региона, его центральное расположение, удаленность от границ.

Тема организации сибирского тыла была актуализирована после Русско-японской войны и особенно после Первой мировой войны. Проблема здесь заключалась только в неурегулированных отношениях с другими государствами по южным границам региона. Первый прообраз тылового района сформировался в годы Первой мировой войны на территории Томской губернии, где накануне войны проживало 40 % сибирского населения (С. 28). Авторы монографии отмечают, что постановка проблемы индустриального освоения Сибири в то время рассматривалась не только в рамках стремления сформировать военно-стратегическое индустриальное ядро Российского государства, но и интересами предпринимателей Сибири и Урала (С. 33). Их шансы в конкурентной борьбе с представителями бизнеса из европейской России в этом случае значительно повышались, поскольку они могли опираться на поддержку государства. Однако в силу целого ряда обстоятельств идея создания в Сибири стратегического тыла в досоветский период не была реализована.

Практическое воплощение идеи сибирского тыла произошло в период индустриализации, когда принимается решение о развертывании второй после Донбасса промышленной и сырьевой базы – создание Урало-Кузнецкого комбината. Необходимость этого решения было продиктовано военно-оборонной целесообразностью (С. 46). Для чисто индустриального рывка в Сибири не имелось соответствующей транспортной, промышленной инфраструктуры.

Разработка и реализация программы Урало-Кузнецкого комбината является одним из крупнейших российских проектов XX в. Суть проекта состояла в организации крупного комплекса индустриальных производств одновременно в двух регионах с использованием месторождений железной руды на Урале и каменного угля на Кузбассе. Идея данного проекта обсуждалась с конца XIX в. Тогда потребность в металле вызывалась индустриализацией страны, а также активным железнодорожным строительством в самой Сибири (С. 81). Но реализовать проект удалось в ходе советского плана индустриализации. Предприятия Урала и Кузбасса могли составить основу крупного ВПК. Создание такой модели, как отмечают авторы, стало возможным только через мобилизующую роль государства (С. 83). На это стоит обратить особое внимание, поскольку любая геостратегия реализуется посредством субъективной воли, а не посредством «невидимой руки рынка». К реализации проекта приступили в 1929 г., когда началось строительство Магнитогорского и Кузнецкого металлургических заводов. Они представляли собой сложные комбинированные предприятия, органично включающие доменные и мартеновские цеха, участки прокатки, литейное производство, коксовые печи, центральные электрические станции, механические и кузнечные мастерские, строительные подразделения, транспортное хозяйство (С. 84). Столь масштабных строек на территории России никогда еще не было.

Авторы монографии весьма детально анализируют трудности грандиозного строительства: недофинансирование, слабое обеспечение технико-экономической документацией, отсутствие в регионе материально-технической базы для столь масштабного строительства. И здесь особую роль сыграли начальник строительства С. М. Франкфурт и главный инженер И. П. Бардин, которые взяли на себя риск приступить к строительству без проекта и без иностранной помощи. Не упустили время и не сделали ошибок. В итоге Кузнецкий завод уже в первой пятилетке, намного раньше Магнитогорского, выдал прокат.

Экспертизой деятельности государства по формированию сибирского тыла выступила Великая Отечественная война. В регионах, оказавшихся в оккупации или под бомбежками, до войны действовало около 32 тыс. предприятий. В них размещались 94 % авиационных заводов, более 80 % заводов по выпуску вооружения, от 25 до 40 % мощностей по добыче угля, нефти, выплавке чугуна и стали, производства паровозов и вагонов, тракторов, цемента (С. 115). В ходе операции по эвакуации было демонтировано и эвакуировано 2593 предприятий. В Урало-Сибирский регион поступило две трети заводского оборудования, вывезенного на восток страны. В результате Сибирь превратилась во второй после Урала по военно-экономическому потенциалу индустриальный макрорегион (С. 119)

Сибирская модель тылового военно-промышленного района, с точки зрения авторов, имела свои особенности: большая протяженность территории, слабая заселенность, растянутость коммуникаций, дефицит топлива, энергии, сырья, материалов, рабочей силы и специалистов. Важным элементом модели сибирского тыла являлось кооперационное взаимодействие оборонки с гражданскими отраслями (С. 122-123). Часто межотраслевая кооперация приобретала внутривре-

гиональный характер, исключаящий зависимость от внешних поставщиков. То есть сибирский тыл в этом смысле функционировал как самостоятельный экономический район, и война стимулировала дальнейшее развитие его производственного потенциала. Запуск эвакуированных предприятий в этом смысле есть продолжение форсированной индустриализации региона. В 1942 г. Западная Сибирь дала военной продукции в 27 раз больше, чем в 1940 г. В целом промышленное производство Сибири выросло с 5,5 млрд р. в 1940 г. до 11,2 млрд р. в 1942 г. (С. 125). В результате Сибирь превратилась в тыловой военно-промышленный регион, который своим военно-промышленным производством оказывал влияние на исход противостояния на советско-германском фронте.

В целом, отмечают авторы исследования, исторический опыт воплощения на практике идеи сибирского тыла в годы Великой Отечественной войны показал, что напряженная борьба за национально-государственное выживание была выиграна СССР за счет эффективного сочетания «большого пространства» и мощного индустриального потенциала, созданного в 1930-е гг. Именно геополитический подход полностью обуславливал форсированное развитие военно-промышленного комплекса СССР (С. 136–137).

С этой точки зрения, как-то неестественными выглядят отдельные «либерально-рыночные» вкрапления в подобный текст. Вот одно из них: «Административно-командная система управления экономикой с одной стороны упрощала решение различных организационных проблем и вместе с тем усложняла. Экономика и человек оказывались разделенными. Производство чаще всего создавалось ради производства» (С. 91). Подобные суждения напоминают оценки индустриализации западными советологами, которыми они пользуются до сих пор [1]. И естественно, это отход от той геополитической матрицы, на основе которой

авторы стремятся объяснить потребность в создании промышленных гигантов в сибирском тылу.

Последовавшая после войны конверсия и восстановление промышленного потенциала на западе страны понизили роль сибирского тыла как особого экономического пространства. Вместо комплексного подхода стал доминировать отраслевой принцип. Наибольший интерес в этом смысле представляли возможности Сибири в качестве источника дешевой электроэнергии, вырабатываемой на ГЭС. Огромное пространство и характер стока вод Ангары и Енисея позволяли на ее территории создать водохранилища для производства электроэнергии и привязать к ним энергоемкие предприятия. С учетом этого обстоятельства в Сибири стало развиваться производство ракетной техники и строительство предпромышленного потенциала предприятий ядерного комплекса. Сибирь превращалась в центр цветной металлургии, прежде всего алюминиевого производства. Здесь также создавалась сырьевая база атомной промышленности СССР.

Понижение геополитического статуса региона отражается и на тексте монографии. В этой части работа напоминает традиционный раздел по социально-экономическому развитию Сибири с перечислением строящихся объектов, деятельностью по повышению производительности труда, внедрению научно-технических разработок и т. п. Сибирский тыл не рассматривается как самостоятельное экономическое пространство, интегрированное с другими районами, но способное и стать основой для них, либо восполнить то, что при определенных обстоятельствах другие не смогут сделать. В этом смысле важны не только элементы ВПК, но и другие отрасли народного хозяйства, способные достаточно мобильно перенастраиваться на нужды страны и реагировать на чрезвычайную ситуацию. Анализ экономического потенциала Сибири именно с этой точки зрения представляет особый ин-

терес. Однако исследование экономического развития Сибири в послевоенный период преимущественно опирается на традиционный подход, при котором Сибирь рассматривается как составная часть единого народнохозяйственного комплекса.

При этом авторы отмечают, что в послевоенный период сибирский тыл обустроивался по новым, чем прежде, стандартам, главным образом, связанным с развертыванием в мире научно-технической революции и появлением ракетно-ядерных вооружений (С. 170). В чем содержание этих новых стандартов — не разъясняется. Авторы также обращают внимание на то, что освоение новых промышленных районов осуществлялось преимущественно на добровольной основе. Однако вряд ли это можно считать особенностью обустройства сибирского тыла, поскольку было характерно для экономической политики государства в целом. Едва ли такой особенностью следует считать и «специфические» «агитационно-пропагандистские и идеологические мероприятия», такие как «патриотические призывы молодежи на целину, в северные районы нового хозяйственного освоения» (С. 173).

Характерной чертой развития сибирского тыла в послевоенный период являлось создание здесь новых отраслей ВПК. С одной стороны, авторы отмечают, что объективными условиями для появления секретных ведомственных объектов и поселений являлись особенности политического устройства СССР. Но тут же отмечают, что пространства Сибири, ее природно-географические возможности, богатство ресурсной базы позволяли создать в регионе глубокий тыловой район государства (С. 171). Если власть все же руководствовалась географией нашего пространства, то есть решала эту проблему геополитически, тогда особенности нашего политического устройства здесь вообще не причем. Любое государство, независимо от характера политического режима, при разработке и реализации

геостратегии вынуждено исходить из своего «месторазвития».

Отмечая значение сибирского экономического потенциала в реалиях распада СССР, авторы на основе характеристики отдельных отраслей отмечают, что в целом промышленная база Сибири стала опорой возрождения России. Промышленное производство нашло свои ниши на рынке за счет «оригинальной продукции». Темпы сокращения производства в регионе были ниже, чем в целом по России. В итоге в 1990-е гг. Сибирь по самым приблизительным подсчетам обеспечивала примерно половину экспорта России, в том числе 70 % экспорта нефти, 100 % экспорта газа, свыше 60 % экспорта угля. Кроме того, экспортировалась значительная часть произведенных в Сибири цветных и черных металлов, золота, нефтепродуктов (С. 190).

То есть спасение «реформируемой» России осуществляется за счет природных богатств Сибири и экономического потенциала, созданного в советский период. Но, думается, в современных условиях очень сложно наложить геополитическую матрицу на экономику сибирского тыла, да и экономическое пространство страны в целом. Россия стала частью мировой глобальной экономической системы, и кто является резидентами ее экономики, в чьих интересах действуют субъекты хозяйственной жизни — это отдельный вопрос, который вынесен за рамки данного исследования.

Историко-геополитическое исследование сибирского тыла невозможно без анализа демографического потенциала Сибири. Все стратегии и планы превращаются в ничто без контроля за демографическими процессами, поскольку речь идет о формировании трудовых ресурсов региона. Демографический контроль складывается из трех основных частей, если его осуществлять в классическом виде: плановых переписей населения, демографической политики и контроля за

миграционными процессами. Очевидно, что в чистом виде демографический контроль не осуществлялся, поскольку большинство проблем индустриализации решалось с ходу, в рамках мобилизационного рывка и, следовательно, глубоко продуманных мер в этой области, стратегически рассчитанных на длительный период, не было.

Поскольку контроль за любым пространством связан с плотностью проживающего там населения, то исследование демографических процессов во многом позволяет выверить возможности и проблемы в рамках разработки идеи сибирского тыла. Анализируя демографические процессы в предвоенный период, авторы отмечают, что Первая мировая и Гражданская войны не стали демографическими коллапсом для Сибири. Численность населения стабилизировалась в 1920–1923 гг., а затем «наступил перелом в динамике демографического тренда» (С. 193). Причем, как отмечают авторы, удельный вес возрастной группы до 29 лет к 1926 г. был очень высоким (69 %), а доля лиц старше 60 лет не превышала 6,6 %. Население считается молодым, если удельный вес лиц старше 60 лет не превышает 8 % (С. 196). Причем, в это время удельный вес мужчин в структуре населения практически сравнялся с женским. В целом демографическая ситуация второй половины 1920-х гг. выглядела вполне благоприятной, и такой фон обеспечивался в основном за счет естественного прироста населения. Авторы обозначают конец 1920-х гг. как «золотой век» демографической истории региона. Наибольшее влияние на высокие темпы естественного прироста населения в этот период оказывали не только патриархальные традиции крестьянства, но и демографическая политика государства. Ее важнейшими направлениями стали развитие здравоохранения и санитарии. Только за 1924–1928 гг. расходы на здравоохранение были увеличены более чем в 2,5 раза (С. 198).

Процессы демографической динамики приобрели свои особенности в 1930-е гг. Эти особенности были детерминированы форсированной индустриализацией и коллективизацией. Но при этом быстрый рост населения в регионе не приостановился. В период между переписями населения 1926 и 1939 гг. численность населения в Сибири выросла на 28 %. В издаваемой литературе много «пены» по поводу репрессий, раскулачивания и «тотальной деградации». Однако данные о динамике численности населения совсем не свидетельствуют о «демографической катастрофе» 1930-х гг. А вот структурные изменения были действительно радикальными: если численность сельского населения осталась на прежнем уровне, то городское население выросло более чем в три раза. Основным источником роста городского населения являлись сельские поселения (до 80 %). То есть характерной чертой миграционных процессов в Сибири является явное доминирование внутрирегиональной миграции. То есть кадры для индустриализации Сибири в основном черпались внутри региона, за счет сельского населения. Авторы обращают внимание на то, что роль оргнабора в восполнении рабочей силы из других регионов постоянно снижалась, и основная причина этого – низкий уровень квалификации приезжающих по оргнабору на стройки Сибири.

В то же время, вывод авторов о крайней нерациональном характере миграций, поскольку они создавали дефицит рабочей силы в сельском хозяйстве, выглядит неубедительным. Главным в тех условиях являлось привлечение трудовых ресурсов на стройки Сибири, и именно сельское население в наибольшей степени адаптированное к местным климатическим условиям и поддерживающее в основной массе связи с деревней становилось эффективным источником трудовых ресурсов для промышленного освоения. При этом следует отметить, что низкий уровень социального ком-

форта в тех условиях не мог стать серьезной преградой для движения сельского населения в города и рабочие поселки. Для этого времени характерна всеобщая неразвитость социально-бытовой инфраструктуры и в наиболее плачевном состоянии она находилась в сельской местности. Именно поэтому мигранты из сельской местности предпочитали перебираться в другие города, а не возвращаться к себе в деревню.

Кроме внутренней миграции источниками трудовых ресурсов выступали плановые сельскохозяйственные переселения. Но основной поток этих мигрантов пришелся на 1940 г. Еще одной формой трудовой миграции являлась «кулацкая ссылка» из районов Украины, Северного Кавказа, Поволжья и других районов страны. Но к середине 1930-х гг. этот источник трудовой миграции иссяк.

Последствиями столь масштабной миграции в условиях неразвитой социальной инфраструктуры стали резкий скачок смертности в городах и одновременно снижение рождаемости. Эти проблемы были усугублены голодом начала 1930-х гг. Логичной реакцией государства на эти демографические процессы стало постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрете аборт и установлении государственной помощи многодетным. И хотя авторы утверждают, что для Сибири это не имело большого значения, прирост рождаемости в 1937 гг., в сравнении с 1935, на 25 % является очень высоким показателем и нельзя не отметить положительной роли данного постановления в стабилизации демографической ситуации в регионе.

К другим мерам государства по восполнению трудовых ресурсов авторы также относят использование труда ГУЛАГа и спецпереселенцев. Однако вряд ли можно согласиться с выводом, что использование «подневольного труда» приобрело статус важнейшего направления в государственной политике индустриаль-

ной модернизации страны» (С. 230). По крайней мере, данные о количестве «подневольных» в индустриальном секторе Сибири, а в 1940 г. в регионе насчитывалось 2,3 млн рабочих и служащих, не позволяют сделать такой вывод. Их удельный вес был значительным, но не доминирующим. Наибольшее использование их труд нашел на предприятиях и шахтах Кузбасса.

Авторы работы отмечают, что кадровая проблема рассматривалась советским правительством как основополагающая для выполнения намеченных планов. Только в 1930–1931 гг. было принято не менее 30 крупных решений и постановлений центральных органов власти по вопросам привлечения кадров в индустрию (С. 229).

Наиболее продуманным и многоплановым являлся контроль за демографическими процессами в годы Великой Отечественной войны. К концу 1930-х гг. практически иссяк основной источник восполнения трудовых ресурсов из сельской местности. Переход с 1939 г. к формированию армии на основе постоянной мобилизации и последовавшие с началом войны массовые призывы в армию потребовали тотального контроля за демографическими процессами. Доминировал мобилизационный принцип контроля за трудовыми ресурсами. Наиболее масштабным источником рабочей силы для сибирского тыла стала социальная среда иждивенцев (С. 252). Контингент мобилизованных селян в 1942–1944 гг. составлял треть от привлеченных в регионе трудовых ресурсов. Важным источником восполнения трудовых ресурсов являлось эвакуированное население. Еще одним направлением сохранения кадров на ведущих промышленных объектах Сибири являлось обеспечение продовольствием через карточную систему. Более высокие нормы снабжения стимулировали сохранение и переток ресурсов на предприятия оборонного комплекса. В качестве методов стимулирования большое значение приоб-

рели агитационные мероприятия, а также уголовное преследование за отказ от поступления на работу. Следует отметить, что авторы работы анализ демографических процессов в годы войны дополняют описанием гендерных и возрастных особенностей рабочей силы, а также их образовательного уровня. К этому времени уже сложились основные направления функционирования государственной системы трудовых резервов. Пополнялась система производственного обучения преимущественно за счет выходцев из семей колхозников и работников совхозов. За годы войны рабочие специальности в Сибири смогли приобрести не менее 500 тыс. юношей и девушек (С. 263–264). Подготовка такого огромного контингента рабочих в условиях войны стала одной из важнейших слагаемых Победы. Рост оборонного потенциала являлся не только следствием мер технологического характера, но и развитием кадрового потенциала.

С одной стороны, авторы при анализе демографических процессов довольно часто используют понятие «геополитика». Геополитический подход предполагает, что целью авторского коллектива является выявление целостной государственной политики по превращению Сибири в мобильное пространство. Однако при этом государственная политика 1930-х гг. авторами часто трактуется как «социально-экономические эксперименты», «социальные эксперименты властей» (см. напр.: С. 276, 281). К геополитическому методу такие трактовки не имеют никакого отношения. В таком изложении авторское исследование исходит из нормативистского подхода, оценки делаются с точки зрения знаний о некой идеальной модели и технологии осуществления реформ и с этих позиций политика в области индустриализации признается «экспериментом», а не целенаправленной деятельностью по защите своего территориально-географического, цивилизационного пространства.

В послевоенный период по-прежнему основным источником трудовых ресурсов являлось внутрирегиональное перемещение населения. Серьезной подпиткой трудовых ресурсов стал контингент депортированных в Сибирь лиц, запятнавших себя сотрудничеством с нацистами. Всего на 1 января 1949 г. численность депортированных в регион составляла 548,7 тыс. человек (С. 304), что сопоставимо с численностью спецпереселенцев и ГУЛАГа в 1930-е гг. Когда после XX съезда спецпереселенцам разрешили вернуться обратно, Сибирь испытала острый дефицит рабочей силы.

В этой части работы явно не достаает анализа миграционных процессов в Сибирь из других республик, зависимость их адаптации от природно-климатических и социокультурных условий. Опыт привлечения трудовых ресурсов из Средней Азии имелся в годы Великой Отечественной войны и соответствующие выводы были сделаны. Однако в условиях войны необходимых ресурсов для успешной адаптации мигрантов из Средней Азии и Казахстана не имелось.

В целом же, несмотря на все исторические катаклизмы 1930-х и 1940-х гг. темпы прироста населения в Сибири в периоды между переписями 1926–1939–1959 гг. практически оставались неизменными.

В плане геополитического контроля за демографическими процессами важнейшим направлением является повышение плотности населения. С этой точки зрения Сибирь характеризуется крайне неравномерным распределением населения. По Западной Сибири средняя плотность населения составляла 10 человек на 1 км², в Восточной Сибири – 1 житель. При этом основная масса населения проживала в южных районах, вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали (С. 315). Именно в силу данного обстоятельства формирование сибирского тыла было невозможно без контроля за демографическими процессами. Низкая плотность населения изначально предопределяла привлечение значи-

тельных контингентов людей для реализации намеченных государственными планами задач. Как отмечают авторы, советское правительство разрабатывало для Сибири особую миграционную политику, в значительной степени определявшую процессы формирования населения (С. 332, 354). Историко-геополитический подход предполагает исследование особенностей этой модели применительно к Сибири. Тем более, что авторы отмечают обретение демографической политикой особо зримых черт, когда государство взяло курс на формирование территориально-производственных комплексов. К сожалению, в монографии данные историко-геополитические аспекты (особенности демографической политики, формы и технологии контроля) практически не рассматриваются. Гораздо больше оснований считать, что данный раздел монографии представляет собой историческое исследование демографических процессов, без привязки к методологическому инструментарию геополитической системы знаний.

В любом случае, попытка сформировать целостное представление о развитии региона в рамках концепции сибирского тыла это шаг вперед в направлении поиска иных подходов к осмыслению непростой и противоречивой истории Сибири. Появление подобных работ способно оформить и вооружить исследователей новым инструментарием целостного изучения больших пространств.

Список использованной литературы

1. Шалак А. В. Идеология вместо фактов, или Как интерпретируют нашу экономическую историю / А. В. Шалак // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 4. — С. 791–809.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и меж-

дународных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalakav@bgu.ru.

Author

Aleksandr V. Shalak — D.Sc. in History, Professor, Head of the Department of History and International Relations, Baikal State University, 11, Lenin st., Irkutsk, Russian Federation, 664003, e-mail: Shalakav@bgu.ru.

Библиографическое описание статьи

Шалак А. В. Сибирский тыл: индустриализация и демография в геополитическом измерении / А. В. Шалак // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 4. — С. 767-785. — DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(4).767-785.

Reference to article

Shalak A. V. Siberian rear: industrialization and demography in geopolitical dimension. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2016, vol. 17, no. 4, pp. 767-785. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(4).767-785. (In Russian).